

Инкарнация смысла в драматическом произведении

Юрий В. Подковырин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,*

*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Москва, Россия, mail1981@list.ru*

Аннотация. Объектом исследования в предлагаемой статье является смысловая организация драматического произведения. Предметом исследования – особенности актуализации смысла в драматическом произведении, обусловленные его родовой спецификой. Специфика художественного смысла описывается в данной статье с понятия инкарнации (воплощения). При этом в статье раскрывается не теологическое, а эстетическое (с опорой на работы Бахтина 1920-х гг.) и герменевтическое содержание понятия инкарнации. Основное внимание в статье уделяется выявлению родовых особенностей инкарнации смысла в произведениях как классической, так и современной драматургии. Научная новизна статьи определяется тем, что в ней впервые (посредством понятия инкарнации) выявляются родовые особенности актуализации смысла в драматическом произведении, а именно: 1) акцент на самом процессе перехода смысла бытия героев из модуса возможности в модус действительности; 2) помещение в центр мира драмы героя, находящегося в ситуации выбора из спектра возможных вариантов осуществления собственного жизненного смысла; 3) художественное осмысление жизни героев как ограниченного горизонта осуществления семантических возможностей, на что указывает специфика изображения времени (как условного «сейчас», незавершенного настоящего) и пространства (как ограниченного и обозримого условного «здесь»); 4) в неклассической драме связь инкарнации смысла с изображением героев, бросающих «свое бытие на возможности» (Хайдеггер) преимущественно не в пространстве межличностного общения, а в сферах сознания и/или языка.

Ключевые слова: смысл, инкарнация, интерпретация, читатель, герменевтика, драма, литературное произведение, действие

Для цитирования: Подковырин Ю.В. Инкарнация смысла в драматическом произведении // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. С. 39–48. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-39-48

Incarnation of meaning in a dramatic work

Yurii V. Podkovyrin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
Moscow, Russia, mail1981@list.ru*

Abstract. The object of research in the proposed article is the semantic organization of a dramatic work. The subject of the study is the peculiarities of updating the meaning in a dramatic work, due to its generic specifics. The specifics of artistic meaning are described in this article with the concept of incarnation (implementation). At the same time, the article reveals not theological, but aesthetic (based on the works of Bakhtin of the 1920s) and the hermeneutic content of the above concept. The article focuses on identifying the generic features of incarnation of meaning in works of both classical and modern drama. The scientific novelty of the article is determined by the fact that for the first time (through the concept of incarnation) it reveals the generic features of updating the meaning in a dramatic work, namely: 1) emphasis on the process of transition of the meaning of the characters' being from the mode of possibility to the mode of reality; 2) placing in the center of the world of drama a character who is in a situation of making a choice of his own life meaning from a range of possible options for its implementing; 3) artistic understanding of the characters life as a limited horizon for the implementation of semantic possibilities, as indicated by the specifics of the image of time (as conditional "now", unfinished present) and space (as limited and visible conditional "here"); 4) in a non-classical drama, the connection of incarnation of meaning with the image of characters throwing "their being at opportunity" (Heidegger) is mainly not in the space of interpersonal communication, but in the spheres of consciousness and/or language.

Keywords: meaning, incarnation, interpretation, reader, hermeneutics, drama, literary work, action

For citation: Podkovyrin, Yu.V. (2022), "Incarnation of meaning in a dramatic work", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, pp. 39–48, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-39-48

Несмотря на огромное количество интерпретаций конкретных драматических произведений, вопрос о специфике *смысла* драмы, особенностях его раскрытия в интерпретации драматического текста остается в литературоведческой науке, по большому счету, непоставленным. Только в последнее время стали появляться теоретические работы об особенностях рецепции (читательского, а не

зрительского, связанного с театральным воплощением, восприятием) текста драмы [Давыдова 2010; Журчева 2010; Павлов 2018], при этом отсутствуют обобщающие работы, посвященные герменевтике драматического произведения, родовой специфике ее смысла. В данной статье мы хотим наметить некоторые подступы к герменевтике драмы, причем в неразрывной связи с ее поэтикой. Цель статьи – выявление и описание наиболее общих параметров и специфики актуализации смысла в драматическом произведении (на материале произведений как классической, так и современной драмы).

Специфика смысла драматического произведения в данной статье выявляется с помощью понятия *инкарнации*. В ряде наших предыдущих работ мы описали природу и параметры инкарнации смысла в литературном произведении [Подковырин 2012; Подковырин 2019]. Богословское по происхождению понятие «инкарнация» в XX веке переносится в сферы нравственной философии (Г. Марсель [Марсель 2004], М. Бахтин [Бахтин 2003, с. 7–68]), герменевтики (Х.-Г. Гадамер [Гадамер 1988, с. 485–492]) и эстетики (М. Бахтин [Бахтин 2003, с. 69–263]). Вместе с тем последовательное соотношение понятий *инкарнации* и *смысла* в литературоведческом контексте не осуществляется, а его герменевтический потенциал остается нераскрытым. В целом под инкарнацией смысла мы понимаем присущую искусству форму осуществления *смысла*, заключающегося в его *воплощении*, то есть претворении в действительность. В литературном произведении смысл воплощается (инкарнируется) в формах изображенной и словесно артикулированной действительности «мира персонажей» (Н.Д. Тмарченко [Тмарченко 2008, с. 122]), для которых этот мир является сферой осуществления их частных *жизненных* смыслов (житейских забот и чаяний), еще не «сбывшихся» в наличности их жизни как целого. Инкарнация смысла, таким образом, представляет собой совершающийся благодаря творческой деятельности автора и сотворческой деятельности реципиентов акт художественной *интерпретации* человеческой жизни, раскрытия ее сверхжизненного смысла, недоступного персонажам с их имманентных художественному миру «житейских» позиций.

Инкарнация смысла в драме, на наш взгляд, имеет ряд особенностей, обуславливающих саму форму драматического произведения. Воплощение смысла в произведениях данного литературного рода выглядит несколько затрудненным в силу того, что драма самой своей формой – через явленные в своей непосредственности реплики и поступки действующих лиц – актуализирует еще не претворенные в бытие, «предстоящие» жизненные смыслы. Сама

предполагаемая драмой постановка реципиента в позицию *соглядатая*, наблюдающего за событиями, как будто они происходят *здесь и сейчас*, акцентирует в жизни ее не только фактическую, но и семантическую незавершенность, процессуальность. Однако этот акцент на семантической незавершенности, «вопросительности» жизни сам является присущим драме способом ее интерпретации.

Рассмотрим седьмую сцену I акта шекспировского «Макбета», в которой изображаются сомнения главного героя и его разговор с леди Макбет. Представим, что изображенный в сцене монолог, а затем и разговор даны в слове некоего повествующего субъекта как свершившиеся в прошлом и становящиеся предметом оценки и осмысления внутри самого художественного мира, что имело бы место в эпическом произведении. В этом случае художественный акцент был бы перенесен с *выбора* героя из открытых ему возможностей на смысловые итоги уже совершенного выбора. Почему же драма для осуществления собственного смысла – его инкарнации – акцентирует внимание реципиента на моменте выбора, совершаемого героем, причем таким образом, как будто этот выбор совершается *на наших глазах* – «здесь и сейчас»? Что в этом случае актуализируется в самом *смысле*? Прежде всего не просто его неоднородность, но и то, что смысл простирается между некими полюсами, его «поляризованность» [Фуксон 2008, с. 290]. Но не только это. Ясной становится именно в ситуации выбора *взаимоисключающая* природа смысловых вариантов: «сбывание» определенного варианта смысла возможно только за счет отбрасывания, упущения других. Выбор Макбета между злодейством и тем, чтобы «оставить это дело» (с. 24)¹, вернее, художественный акцент на этом выборе, выделяет не только избираемый аспект смысла, но и упускаемые аспекты («я в глазах народа / Облекся золотым нарядом славы. / Хочу пощеголять я в новом платье» (с. 24)). Для героев драмы их решения и «действия» направлены на актуализацию возможных смыслов-целей. Что же в данной сцене находится за пределами кругозора героя – будущего убийцы и короля? Как раз сама ситуация выбора, момент смысловой неопределенности, взятый в своей *пластической данности*. Действуя, герои совершают выбор из возможностей, но сама «выставленная на обозрение» (именно к драме это определение имеет самое прямое отношение) наличность этого выбора остается от них скрытой. При этом она актуализируется в

¹ Здесь и далее цитаты из «Макбета» Шекспира приводятся по изданию: Шекспир У. Макбет / Пер. с англ. Ю. Корнеева // Шекспир У. Полное собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М.: Искусство, 1960. С. 5–100 (далее страницы указаны в скобках в тексте).

кругозорах автора и читателей-зрителей. В этих же, внешних по отношению к жизненному миру героев, кругозорах каждый конкретный выбор-поступок осмысливается в контексте смыслового целого жизни, понятой как «действие», рассматривается как момент *инкарнации ее смысла*. В то же время в инкарнированном смысловом «плане» произведения каждое действие героев осмысливается как репрезентация (на микроуровне) «действия жизни» [Гачев 2008, с. 182] (т. е. жизни, художественно интерпретированной как свершение – осуществление единственного смысла из спектра возможных, противоречивых). Выбирая, герой осмысливает (взвешивает) возможности; автор (и реципиент) осмысливает героя через изображение самого решения-поступка, на «развилке» его жизненного пути, демонстрируя тем самым кристаллизацию единственного действительного смысла из *противоречивого* вещества жизни.

Как и почему в действительность облекается именно *такая*, а не другая возможность (в случае Макбета и Леди Макбет – злодейство) – вот что толкует зрителю драма. Так, в цитированной выше реплике Макбета («Хочу пощеголять я в новом платье...»), по видимости, обозначающей другой – возможный вариант выбора героя, не связанный с убийством, обращает на себя внимание (читателя-зрителя, но не действующего лица!) глагол «пощеголять». Слава Макбета-героя для него самого – это не часть сущности, а нечто вроде *маски*, предназначенной для внешнего пользования («в глазах народа» (с. 24)). Сам образ смены платьев в данной реплике указывает на границу между внешностью и нутром, сущностью и видимостью. В реплике Макбета, завершающей данную сцену, после объявления героем своего выбора («Я решение принял, / Напрягся и готов на страшный шаг» (с. 26)) вновь появляется мотив покровы, маски: «Пусть ложь сердец прикроют ложью лица» (с. 26). Из данных реплик мы видим, что даже в тех словах, которые указывают на альтернативный (так и не совершенный) выбор главного героя, просматривается подоплека принятого решения. Один из корней злодейства (возможно, самый глубокий) – в двойственности, заложенной в характере главного героя, в котором внешнее (показное, статусное) отделено от внутреннего. Это противоречие будет сохраняться до конца трагедии, воплотившись как один из ключевых моментов в целое судьбы героя: короля по *статусу*, но не по *сущности*. Следовательно, на уровне инкарнации само решение действующего лица выступает как *единственно* возможное, как неизбежно вытекающее из логики целого.

Таким образом, в драме человеческая жизнь как завершенный образ осмысливается через представление ее как совершающегося на наших глазах «действия». Рассмотренное в герменевтическом

ракурсе, данное понятие обозначает изображение в драме процесса перехода возможных жизненных смыслов в действительный, «может быть» в «так есть». Выставляя на «обозрение» сам момент совершения жизни «здесь и сейчас», драма художественно осмысливает саму «логику» *претворения смысловых вариантов* человеческой жизни в единственную действительность – «наличность воплощенного смысла» [Бахтин 2003, с. 201] (или, говоря более обыденным языком, в *судьбу* как «суд бытия» [Фуксон 2003, с. 172]).

Современная драма (драма неклассического этапа поэтики художественной модальности [Бройтман 2004, с. 221]) изображает героя, бросающего «свое бытие на возможности» уже преимущественно не в сфере «междучеловеческих отношений» [Костелянец 2007, с. 30], а в области *сознания* и/или – в пространстве *речи/текста*. Рефлексия и/или рассказывание в новейшей драме само становится *представлением*: не просто *интерпретацией уже свершившегося, но свершением* – выбором-осуществлением единственного действительного смысла жизни. Характерными примерами инкарнации смысла в драме посредством организации «события исполнения» как «события рассказывания» (М. Бахтин) являются пьесы Е. Гришковца («Как я съел собаку», «ОдноврЕмЕнно»), С. Решетникова («Бедные люди, блин»), И. Вырыпаева («Кислород, Бытие № 2, Июль»), К. Бизё («Рыдания») и ряда других авторов. Так, в упомянутой выше пьесе Вырыпаева «Бытие № 2» особый статус «исполняемого» текста подчеркивается специальной ремаркой: «Главный герой пьесы – текст»² (Вырыпаев, с. 54). Волнующие героиню пьесы Вырыпаева (и в то же время – автора собственной пьесы) вопросы о смысле жизни, о бытии Бога, очевидно (как об этом свидетельствует сама форма пьесы), не могут быть не просто решены, а даже поставлены в пространстве «внешней», социальной жизни (с этим, думается, связана подчеркнутая асоциальность, «безумие» героини). Отсюда неизбежность их постановки во «внутреннем» пространстве сознания, в «условной» форме (квази-) художественного текста. Вместе с тем волнующие Антонину Великанову вопросы имеют *всеобщее* значение и потому нуждаются в *публикации*, в приобщении к ним как «исполнителей» (Вырыпаев, с. 54) ролей, «Ивана Вырыпаева» в качестве появляющегося в мире собственной пьесы «персонажа», так и – через «исполнение» текста – читателей-зрителей. В эпиграфе, предвещающем слож-

² Здесь и далее цитаты из пьесы Вырыпаева приводятся по изданию: *Вырыпаев И. Бытие № 2* // Новая драма: пьесы и статьи. СПб.: Сеанс: Амфора, 2008. С. 53–118 (в скобках указаны фамилия автора и страница).

ный – «матрешечный» по своему построению – текст произведения и выражающем запредельную «миру персонажей» авторскую точку зрения, указывается на значимость такого приобщения: «При рассказе о своих переживаниях во время психоза больная использовала литературную форму изложения с целью привлечь внимание слушателей» (Вырыпаев, с. 53]. Рассмотрение данного эпиграфа в контексте целого пьесы – как момента инкарнации ее смысла – позволяет понять привлечение «внимания слушателей» не как «нарциссическое» желание больной шизофренией, а как установку на особый – не социальный, а *экзистенциальный* – тип коммуникации, «сбывающийся» в целом драмы. «Исполнение» текста на сцене ставит читателя-зрителя в позицию *соглядатая* уже не только внешней, но и внутренней (экзистенциальной) сферы жизни героев, в которой ставятся важнейшие для них вопросы и совершаются (в словесной, текстуальной форме) *поступки* – «наброски» возможного (для автора и реципиентов – действительно, инкарнированного) смысла их жизни.

Итак, в пьесе Вырыпаева, как и во многих других новейших пьесах, рассказ действующих лиц, «исполнителей», обращен не к смысловым *итогами* их жизни, а к смыслам *предстоящим*, разворачивается не как утверждение, а как вопрос («Кто я есть?», «В чем смысл моей жизни?» и т. д.). Именно такая вопросительная установка субъекта рассказывания (текстопорождения, «исполнения» [Фёдоров 1984, с. 149] текста) позволяет представить рассказ («текст в тексте» и т. п.) как *действие*. Событие *рефлексии*, выраженное в формах развернутого высказывания-исповеди (как, например, в «Рыданьях» К. Бизё или в пьесах Е. Гришковца) или квазихудожественного текста («пьеса» Антонины Великановой в пьесе «Бытие № 2») или в других похожих формах, связанное с самоопределением, попыткой «собрать себя», приобретает для героев современных пьес статус *выбора-поступка*. Сама же форма *представления-рассказывания* выступает в качестве особого (хотя, разумеется, далеко не единственного!), присущего новейшей драме, способа художественной интерпретации человеческой жизни как «действия», инкарнации ее смысла.

Таким образом, как показывает рассмотрение ряда классических и современных пьес, для драмы как рода литературы характерны следующие особенности актуализации (инкарнации) смысла: 1) в драме изображаются, главным образом, не смысловые итоги жизни, а сам процесс *перехода* смысла бытия героев из модуса возможности в модус действительности; 2) в центр мира драмы помещается герой (герои), находящийся в ситуации *выбора* из спектра возможных, зачастую – взаимоисключающих, вариантов

осуществления собственного жизненного смысла; 3) жизнь героев художественно осмысливается в драме как *ограниченная* область осуществления семантических возможностей, на что указывает специфика изображения времени (как условного «сейчас», незавершенного настоящего) и пространства (как ограниченного и обозримого условного «здесь»); 4) в неклассической драме инкарнация смысла связана с изображением героев, бросающих «свое бытие на возможности» (Хайдеггер) преимущественно не в пространстве межличностного общения, а в сферах сознания и/или языка.

Литература

- Бахтин 2003 – *Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2003. 955 с.
- Бройтман 2004 – *Бройтман С.Н.* Теория литературы: В 2 т. Т. 2. М.: Академия, 2004. 368 с.
- Гадамер 1988 – *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод / Пер. с нем. под ред. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
- Гачев 2008 – *Гачев Г.* Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 280 с.
- Давыдова 2010 – *Давыдова Е.М.* Рецептивные стратегии в драматургии // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2010. № 2 (45). С. 15–27.
- Журчева 2010 – *Журчева О.В.* Рецептивные стратегии в новейшей драматургии // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв.: Сб. науч. статей. В 2 ч. Ч. 1. Минск: РИВШ, 2010. С. 46–51.
- Костелянец 2007 – *Костелянец Б.О.* Драма и действие. М.: Совпадение, 2007. 501 с.
- Марсель 2004 – *Марсель Г.* Опыт конкретной философии / Пер. с фр. В.П. Большакова и В.П. Визгина. М.: Республика, 2004. 222 с.
- Павлов 2018 – *Павлов А.М.* Особенности субъектной структуры монодрамы и позиция читателя/зрителя // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44). С. 28–38.
- Подковырин 2012 – *Подковырин Ю.В.* Понятие «инкарнации» в философии XX века и феномен смысла литературного произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (17). С. 137–142.
- Подковырин 2019 – *Подковырин Ю.В.* Основные качества инкарнации художественного смысла: на примере интерпретации стихотворения М.Ю. Лермонтова «Родина» // Новый филологический вестник. 2019. № 3 (50). С. 102–113.
- Тамарченко 2008 – *Тамарченко Н.Д.* Мир персонажей // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 122–123.
- Фёдоров 1984 – *Фёдоров В.В.* О природе поэтической реальности. М.: Сов. писатель, 1984. 184 с.

- Фуксон 2003 – Фуксон Л.Ю. Герменевтические параметры чтения литературного произведения // Литературное произведение: теория и практика анализа. Вып. 2. Кемерово, 2003. С. 157–184.
- Фуксон 2008 – Фуксон Л.Ю. Ценностная структура [литературного произведения] // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 290–292.

References

- Bakhtin, M.M. (2003), *Sobranie sochinenii v 7 t.* [Collected works in 7 vols.], vol. 1, Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Broitman, S.N. (2004), *Teoriya literatury* [Theory of Literature], in 2 vols., vol. 2, Akademiya, Moscow, Russia.
- Davydova, E.M. (2010), “Receptive strategies in drama”, *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural studies. Oriental studies” Series*, no. 2, pp. 15–27.
- Fukson, L.Yu. (2003), “Hermeneutic parameters of reading a literary work”, Tamarchenko, N.D. (ed.) *Literaturnoe proizvedenie: teoriya i praktika analiza* [A literary work. theory and practice of analysis], iss. 2, Kemerovo, Russia, pp. 157–184.
- Fukson, L.Yu. (2008), “Value structure [of a literary work]”, Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [Poetics. Dictionary of Current Terms and Concepts], Izd-vo Kulaginoi, Intrada, Moscow, Russia, pp. 290–292.
- Fyodorov, V.V. (1984), *O prirode poeticheskoi real'nosti* [On the nature of poetic reality], Sovetskii pisatel', Moscow, Russia.
- Gachev, G. (2008), *Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form. Epos. Lirika. Teatr* [Meaningfulness of artistic forms. Epic. Lyrics. Theatre], Izd-vo Moskovskogo un-ta, Moscow, Russia.
- Gadamer, H.-G. (1988), *Istina i metod* [Truth and method], Bessonov, B.N. (transl. from German, ed.), Progress, Moscow, Russia.
- Kostelyanets, B.O. (2007), *Drama i deistvie* [Drama and action], Sovpadenie, Moscow, Russia.
- Marcel, G. (2004), *Opyt konkretnoi filosofii* [Experience of specific philosophy], Bol'shakov, V.P. and Vizgin, V.P. (transl. from French), Respublika, Moscow, Russia.
- Pavlov, A.M. (2018), “Features of the subject structure of the monodrama and the position of the reader/viewer”, *New Philological Bulletin*, no. 1 (44), pp. 28–38.
- Podkovyrin, Yu.V. (2012), “The concept of ‘incarnation’ in the philosophy of the 20th century and the phenomenon of the meaning of a literary work”, *Philology. Theory & Practice*, no. 6 (17), pp. 137–142.
- Podkovyrin, Yu.V. (2019), “The main qualities of incarnation of artistic meaning. On the example of the interpretation of M.Yu. Lermontov's poem ‘Homeland’ ”, *The New Philological Bulletin*, no. 3 (50), pp. 102–113.

- Tamarchenko, N.D. (2008), "World of characters", Tamarchenko, N.D. (ed.), *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [Poetics. Dictionary of Current Terms and Concepts], Izd-vo Kulaginoi; Intrada, Moscow, Russia, pp. 122–123.
- Zhurcheva, O.V. (2010), "Receptive strategies in the latest drama", Goncharova-Grabovskaya S.Yu. (ed.), *Russkaya i belorusskaya literatury na rubezhe XX–XXI vv.: sbornik nauchnykh state* [Russian and Belarusian literature at the turn of the 20th–21st centuries. collection of scientific articles], in 2 parts, part 1, RIVSH, Minsk, Belarus.

Информация об авторе

Юрий В. Подковырин, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6;

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия; 125190, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 80, корп. Е.; mail1981@list.ru

Information about the author

Yurii V. Podkovyrin, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Moscow, Russia; bldg. E, bld. 80, Lenigradskii Avenue, Moscow, Russia, 125190; mail1981@list.ru